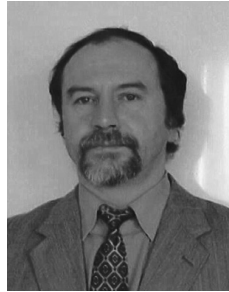


## РЕКУРСИВНЫЙ СУБЪЕКТ В МОДЕЛЯХ ВСЕЛЕННОЙ: В. ЛЕФЕВР, Г. БЭЙТСОН, Э. МОРЕН

В. И. Аршинов, Я. И. Свирский



Институт  
философии  
Российской  
академии наук,  
заведующий  
отделом,  
доктор  
философских  
наук



Институт  
философии  
Российской  
академии  
наук, ведущий  
научный  
сотрудник,  
доктор  
философских  
наук

Содержание этой статьи во многом инициировано размышлениями (рефлексивными и даже, пожалуй, метарефлексивными) над замечательной книгой В. А. Лефевра «Космический субъект», вышедшей в 1996 году, все богатство идей которой, по мнению авторов, еще не оценено должным образом<sup>1</sup>.

Нам хотелось бы обсудить возможность обоснования концепции рекурсивной *антропокосмической Вселенной*, сопряженной с представлением о самоорганизующейся Вселенной, которая, в контексте сложностного мышления, с необходимостью предполагает включение в нее самоорганизующегося человека. Это обоснование предполагает конструктивное погружение в дискурс «нелинейно-коммуникативной парадигмы», для которой ключевыми являются идеи эмерджентности, становления и самотрансценденции. Тем самым дискурс нелинейно-коммуникативной парадигмы с необходимостью включает в себя междисциплинарное и трансдисциплинарное измерения и уже поэтому не может опираться на некие универсалии, традиционно фундировавшие картины мира — универсалии, отсылающие к некоему стационарному функционированию объектов, пребывающих в состоянии равновесия, гомеостаза, образуя-

<sup>1</sup> Лефевр В. Космический субъект // Владимир Лефевр. Рефлексия. Составитель В. Е. Лепский. М.: Когито-Центр, 2003. С. 139–302.

ших статический иерархический порядок, чья основная функция в том только и состоит, чтобы этот самый гомеостаз сохранять и поддерживать.

Такая предельно общая формулировка нуждается в содержательном философско-мировоззренческом и методологическом раскрытии. К указанной задаче можно подойти по-разному, в зависимости от исходных философских представлений. Одним из примеров здесь служит философско-мировоззренческая конструкция Пьера Тейяра де Шардена, раскрывающая космическую сущность феномена человека<sup>1</sup>. Уместно вспомнить также о интуитивизме Николая Лосского с его ключевым тезисом, согласно которому познающий субъект имеет возможность непосредственно (интуитивно) воспринимать транссубъективную реальность<sup>2</sup>.

Подход, развиваемый в предлагаемой статье, иной. Его особенность в том, что он в большей степени ориентирован на междисциплинарный, точнее, даже трансдисциплинарный подход в том его виде, как он формируется в настоящее время в контексте современной постнеклассической науки<sup>3</sup> и методологически сфокусирован на характерном для синергетики как особого рода постнеклассической практики совместном конструировании реальности, сопряженной с циклически-рекурсивным способом мышления. Для этого дискурса особое значение имеют слова, которыми Умберто Матурана и Франциско Варела *начинают заключительную*, десятую главу своей знаменитой книги «Древо познания»: «Подобно рукам на гравюре Эшера, эта книга следовала круговому маршруту... Начало есть конец»<sup>4</sup>.

Конечно, в рамках одной статьи данную стратегию осуществить достаточно сложно, скорее, можно только пунктирно обозначить. Тем не менее важно с самого начала подчеркнуть, что все рассуждения о рекурсивной антропокосмической Вселенной в рамках классического линейного мышления не могут наделить эти рассуждения каким-либо конструктивным смыслом. Нам необходим конструктивно представленный переход к нелинейному мышлению, нелинейной парадигме.

Здесь также имеется несколько возможностей. И одна из них видится нам в обращении к рефлексивным моделям субъектности Владимира Лefевра в контексте их сопоставления с работам двух других выдающихся междисциплинарных мыслителей XX века – Грегори Бэйтсона и Эдгара Морена. Мы надеемся, что обращение к их работам *в синергетическом контексте* поможет лучше уяснить суть трансдисциплинарной стратегии

1 Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 2001.

2 Лосский Н. История русской философии. М., 2007. С. 352.

3 Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000.

4 Варела У., Матурана Ф. Древо познания. М., 2001. С. 211.

перехода к коммуникативному принципу сетевой цикличности — основного принципа, противостоящего линейному мышлению, в рамках которого для представления об антропокосмической Вселенной, как только что было сказано, просто нет места. В свою очередь, без такого представления невозможно построить современной онтологии *становления человеческого бытия*, столь необходимой нам для того, чтобы противостоять глобальным вызовам цивилизации XXI века, самый последний из которых связан с грядущей нанотехнологической революцией<sup>1</sup>.

Обратимся к исследовательской программе Бэйтсона и его сетевой модели мира. Бейтсон, чье мышление принципиальным образом трансдисциплинарно, в своих теоретических построениях обосновывал то обстоятельство, что разумная, духовная составляющая мироздания не ограничивается только человеческим телом. Он отстаивал холистический взгляд на мир, противопоставляя последний господствующей в науке картезианско-кантовской стратегии мышления. Делая в своих изысканиях акцент не на вещах, а на отношениях между ними, Бейтсон указывал пути для преодоления картезианского дуализма сознания и материи<sup>2</sup>. Для описания физических, биологических, социальных систем и комплексов он использовал кибернетическое представление об *обратной связи*: любое природное образование представляет собой совокупность кольцевых причинно-следственных цепей, когда первое звено цепи испытывает воздействие со стороны последнего звена. В результате такая кибернетическая система обретет способности к саморегуляции, самокоррекции и оптимизации собственного поведения.

Бейтсон полагал, что чем сложнее природное образование, тем из большего числа колец обратной связи оно стоит. В пределе все мироздание может быть представлено как некая коммуникативная система, или сеть, в которой посредством обратных связей осуществляются метаболические процессы обмена веществом, энергией и информацией. И если предположить, что разумное поведение как раз и состоит в способности к саморегуляции, а шире, к самообучению посредством опти-

---

1 Альтман Ю. Военные нанотехнологии. Возможности применения и превентивного контроля вооружений. М., 2006.

2 «Для меня картезианский дуализм был непреодолимым барьером. Читателя может завлечь то, как я пришел к определенному виду монизма — убеждению, что разум и природа образуют неизбежное единство, в котором не существует разума *отдельно* от тела и нет Бога отдельно от его творения. И как, исходя из этого, я научился смотреть на мир, когда я начинал работать. Правила тогда были совершенно ясными: в научном толковании не должны использоваться ни разум, ни божество и не должно быть ссылки на конечные цели. Все причинные связи должны меняться с течением времени, причем нет никакого влияния будущего на прошлое или настоящее» (Бейтсон Г., Бейтсон М. К. Ангелы страшатся. М., 1994. С. 19–20).

мизации поведения в разнообразных условиях существования, то его носителем будет выступать не только мозг, но и все человеческое тело, а также окружающая это тело среда, поскольку обратные связи (как положительные, так и отрицательные) выходят за пределы любой ограниченной телесности.

Более того, в таких сложных системах с обратной связью не существует статических центров управления (статически фиксированных субъ-ектов) поскольку последние сами являются элементами рекурсивных цепей. Любое центрирование через приписывание какому-либо локусу сети выделенных управляющих функций имеет свои границы во времени, забвение чего свидетельствует, согласно Бейтсону, об отсутствии системной мудрости. И поскольку во главу угла здесь ставятся не вещи, а процессы и отношения, то все, чему приписывается выделенный (субъ-ектный) статус управляющей инстанции, в конечном счете, выступает как некий системно-процессуальный эмерджентный эффект. Разум, превратившись в показатель самоорганизующейся сложности системы, делокализуется, будучи соотнесенным не только приписывается здесь не только человеку, но и любой сложноорганизованной структуре, а в пределе всему мирозданию.

Здесь кибернетически ориентированные идеи Бэйтсона оказываются созвучными взглядам В. А. Лефевра, который еще в 1967 году писал: «Представляется целесообразным рассмотреть возможные модели и некоторые принципы их построения, в которых, с одной стороны — «живые организмы» и «цивилизации», а с другой — феномены «физической картины», выступили бы как разные проявления некоторой единой конструкции»<sup>1</sup>.

Далее, Бейтсон полагал (и демонстрировал это в своих этнографических, экологических, социальных и психологических исследованиях), что мироздание, организованное как сеть коммуницирующих обратных связей, иерархически-рекурсивно: каждая сложная система вместе со своими метаболизмами существует в контексте (или окружении) более сложной системы, с которой она также обменивается веществом и информацией, и так далее. Причем такой контекст качественно определяет поведение системы<sup>2</sup>.

1 *Лефевр В. А.* Конфликтующие структуры. М., 1967. С. 19.

2 «Обучение всегда происходит в некотором контексте, имеющем формальные характеристики... Этот структурированный контекст также размещается внутри более широкого контекста (если хотите, метаконтекста), и эта последовательность контекстов образует открытую и, по-видимому, бесконечную серию... Происходящее в более узком контексте будет подвергаться воздействию более широкого контекста, внутри которого обретает свое существование меньший. Между контекстом и метаконтекстом может возникать

Такая иерархия контекстов может интерпретироваться как рекурсивная иерархия миров и, соответственно, разумов, имманентных этим мирам, – сетевых разумов, приписываемых уже не только человеческому существу и структурно сопряженных друг с другом. Причем термин «разум» имеет здесь расширенное значение, выходящее за границы картезианско-кантовского истолкования разумно-рассудочной деятельности субъекта. Под этот термин уже подпадают и бессознательное, и эмоционально-чувственная жизнь человека, и те плохо артикулируемые способности последнего, которые позволяют ему продуктивно двигаться в более широких, а потому не ухватываемых чистым *ratio* контекстах. Отсутствием системной мудрости как раз и будет выступать невнимание к таким особому рода способностям (шестому чувству) и эгоистическое стремление представить собственное Я в качестве последней управляющей и познающей инстанции<sup>1</sup>.

В противовес эгоистической установке разума Бейтсон настаивает на особом типе духовно-разумной деятельности, которая имманентна «не только телу, а также контурам и сообщениям вне тела», поскольку «есть больший Разум, в котором индивидуальный разум – только подсистема. Этот больший Разум можно сравнить с Богом, и он, возможно, и есть то, что некоторые люди понимают под «Богом», однако он по-прежнему имманентен совокупной взаимосвязанной социальной системе и планетарной экологии»<sup>2</sup>. Причем такой экологически понятый Бог не коварен, не мстителен. Мнимая агрессивность Бога – лишь обратная реакция сверхсложной системы, в которую включен и человек, на опрометчивые действия последнего, основанные на эгоистическом самоцентрировании. На отказе от него и от позиции изолированного наблюдателя держится феномен веры, но не догматической веры во всеблагого Творца, а веры как инструмента постижения высших контекстов (или параметров порядка), задающих условия обратной связи для менее сложных подсистем. В таком случае устойчивое существование и эволюция мироздания зависит не только от действий людей, но и от их мыслей, эмоций, желаний и чувств.

---

неконгруэнтность (конфликт)... Тогда организм сталкивается с дилеммой: либо быть неправым в первичном контексте, либо быть правым по неправильным причинам или неправильным образом» (там же, с. 269).

- 1 «Коль скоро наши разумы [в узком понимании как наши Я – Я.С., В.А.], включая наши инструменты и наши действия, – это только части большого разума, его вычисления могут быть искажены нашими противоречиями и искажениями. Коль скоро имманентный разум включает наше безумие, он сам неизбежно подвержен возможному безумию. С помощью нашей технологии мы вполне способны вызвать безумие большей системы, частью которой являемся» (там же, с. 432).
- 2 Бейтсон Г. Экология разума. С. 426.

Рассмотрим данный вопрос подробнее. Исследуя коллективные когнитивные процессы с позиций синергетического подхода как рекурсивной встречи внешнего и внутреннего Герман Хакен и Юваль Португали особо подчеркивают в этой связи, что «человек рождается в среде, которая уже самоорганизована и подчинена некоторым параметрам порядка. Следовательно, некоторые из особенностей, формирующих когнитивную карту, появляются уже как подчиненные параметрам порядка, и очень вероятно, что индивидуум создает когнитивную карту не только на основе борьбы внутренних параметров данного набора деталей окружения, а уже будучи подчиненным одному или нескольким из этих параметров, или более глобальным представлениям»<sup>1</sup>. Последние – некий имманентно-трансцендентный мир идеальных форм и предопределенностей. Этот мир *креатуры* (по Г. Бэйтсону и К. Юнгу) рекурсивно-холистическим образом обуславливает контингентные паттерны событийных процессов, в которые мы, так или иначе, являемся вовлеченными.

Повторим: субъект самоорганизации создает свою когнитивную карту как рекурсивную встречу на границе внешнего и внутреннего, как результат конструктивной операции коммуникации – трансграничного авто-поэтического сопряжения самореференции и внешней инореференции. Подобное «синергетическое представление когнитивных карт придает намного больший вес внешней среде и внешней когнитивной памяти, чем это традиционно признается в когнитивных науках», хотя у таких ученых как Выготский или Гибсон всегда занимала ведущее место идея о том, что когнитивная система человека есть внутренне-внешняя сеть, где некоторые из элементов представлены или хранятся внутри психики (мозга), а некоторые во внешней среде<sup>2</sup>.

Таким образом, наряду с традиционно объективированным представлением процесса (самоорганизации) паттерна (структуры), при котором параметры порядка подчиняют некоторые внешние по отношению к наблюдателю подсистемы, и субъективированным представлением процесса распознавания образа, при котором параметр порядка подчиняет некоторые внутренние детали образа в сознании, мы обнаруживаем рекурсивно-коммуникативный процесс; в его рамках видны один или несколько параметров порядка, «которые подчиняют себе и внешне представленные подсистемы и внутренне репрезентированные свойства»<sup>3</sup>. Здесь мы

1 *Хакен Г., Португалии Д.* Синергетика, межуровневые нейронные сети и когнитивные карты // Синергетика и психология. Выпуск 3. М., 2004.

2 Там же.

3 *Хакен Г.* Принципы работы головного мозга. Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М., 2001. С. 298.

имеем дело с синергетикой процессов управляемого конструирования человеком окружающей среды на основе общих закономерностей самоорганизации космоса и его самого как (вместе с сознанием и самосознанием) как неотъемлемой части.

Мы полагаем, что с этой точки зрения назначение человека во все-ленских процессах определяется как совокупность процессов самоорганизации человекомерных, наделенных сознанием систем, подчиненных своим параметрам порядка. Это позволяет подойти с более общих (метаметодологических позиций к осмыслению практик создания современной концепции рефлексивно-синергетического управления. Хотя, конечно, здесь предстоит еще большая работа, в частности, работа, связанная с пониманием самого сознания как самопорождающей (автопоэтической) системы, находящейся в процессе создания самой себя и замкнутой кольцевой стабилизированной обратной связью, и с нагрузкой — некоторой продуктивной деятельностью, создающий «внешний контур» распределенного управления целенаправленным становлением самоорганизующегося «космического субъекта» (В. А. Лефевр).

Попытаемся соотнести приведенные выше подходы с подходом Эдгара Морена — выдающегося французского мыслителя, внесшего большой вклад в разработку философских и методологических проблем современной постнеклассической науки как междисциплинарной и трансдисциплинарной науки о *сложности*. Вот что он пишет: «...*Сохранить циклическую зависимость — значит отказаться от сведения сложной основной мысли к порочному принципу; значит отказаться от преувеличения главенствующего понятия (Материя, Сознание, Энергия, Информация, Классовая борьба) и т. д. Это значит отказаться от линейного размышления, имеющего свои исходный и конечный пункты. Это значит отказаться от абстрактного упрощения.* Кажется, что, разрывая циклическую зависимость, мы восстанавливаем возможность абсолютного объективного познания. Но это как раз и является иллюзорным: сохранить циклическую зависимость, напротив, означает уважать объективные условия человеческого познания, которое всегда включает в себя, где-либо, логический парадокс и неопределенность. Сохранить циклическую зависимость, поддерживая связь двух предположений, оба из которых независимо друг от друга признаны истинными, но которые опровергают друг друга, как только они вступают в контакт, — значит открыть возможность постижения этих двух истин как двух сторон одной сложной истины, снять таинственную завесу с коренной реальности, которая заключается в отношении взаимозависимости между понятиями, которые принцип разделения изолирует или противопоставляет, наконец, открыть дверь к исследованию этого отношения... Постигнуть циклическую — это, следовательно, открыть возможность метода, кото-

рый, заставляя взаимодействовать отсылающие друг к другу термины, стал бы продуцировать в ходе этих процессов и обменов сложное знание, несущее в себе свою собственную рефлексивность»<sup>1</sup>.

Сопряженность рекурсивно-коммуникативного подхода Э. Морена и субъектно-рефлексивная модель понимания Универсума В. Лефевра, здесь выступает достаточно отчетливо. В 1990 году в беседе с Н. Кузнецовой В. А. Лефевр, вспоминая о становлении основных идей, говорил: «Для меня главное было в том, чтобы изобразить человека вместе с представленными в нем внутренними мирами, в которых представлены другие люди. Этот принцип я рассматриваю как достаточно универсальный. Приложимый к изображению не только человеческого существа, но и к сложным системам надличностного плана – обществу, группе и т. п., т. е. там, где можно выделить рефлексивные блоки... Следующий шаг состоял в том, что бы приступить к описанию исходной структуры человеческой рефлексии проявляющей себя в том, что субъект А видит себя, видящим себя, а также другого, видящего себя и видящего А... С самого начала здесь ощущалась какая-то рекурсия...»<sup>2</sup>.

Именно этот рекурсивно-рефлексивный взгляд порождает качественно новую постнеклассическую онтологию сложности, познание которой предполагает синергичное становление сравнимого с ней субъекта. Поиск истины, смысла и ценностей в этом контексте есть рекурсивное *превращение открытия сложности в метод ее познания*. От сложности Природы к природе сложности. «Классическая наука была не способна понять объект науки, и именно потому, что ученый был не способен понять самого себя как субъекта науки. <...> *Устраняя самого познающего, никогда нельзя продвинуться в познании сложного*. Познание с необходимостью становится, таким образом, коммуникацией, петлей, между познанием (феноменом, объектом) и познанием этого познания. Именно исходя из идеи петли и метасистемы, нам, по-видимому, следует понимать познание, которое порождает в то же время свое самопознание. <...> Итак, изменяя и обогащая смысл слова „познавать“, сложность призывает нас к изменению и обогащению смысла слова „действие“, которое в науке, как и в политике, и – трагически – именно тогда, когда оно хочет быть освобожденным, всегда становится манипулированием и порабощением, причем в их крайних формах. Мы можем смутно предвидеть, что наука, которая открывает возможности для самопознания, которая открывается на космическую взаимосвязанность и солидарность, которая не разрушает облик налично существующих образований и существ,

1 Морен Э. Метод. М.: Прогресс–Традиция, 2005. С. 40–41.

2 Лефевр В. Рефлексия. М.: Когито–Центр, 2003. С. 438–439.



которая признает наличие тайны во всех вещах, по-видимому, сможет предложить такой принцип действия, который не упорядочивает, а организует, не манипулирует, а устанавливает коммуникативную связь, не управляет, а воодушевляет»<sup>1</sup>.

Но что это за коммуникативная связь, о которой столь проникновенно говорит Морен? Это коммуникативная связь «между сферой *природы* (*physis*), сферой жизни и антропосоциальной сферой; связь, которая присутствовала в высоких культурах древности и замыкалась петлей:



«Физика Запада — по словам Морена — не только лишила Вселенную ее очарования, но и опустошила ее... Во Вселенной правил принцип упрощения. Вещи были полностью и принципиально изолированы от окружающей их среды и от наблюдателя, причем как среда, так и наблюдатель, были лишены какого бы то ни было существования... Упрощение прогрессировало посредством многочисленных и последовательных шагов редукции; идея тела была сведена к идее материи...»<sup>2</sup>

Конечно, слова Морена непосредственно касаются определенного этапа развития науки вообще и естествознания в частности — этапа, получившего название «классический». Уже на неклассическом этапе развития наук, в особенности в квантовой механике утраченная связь начала восстанавливаться. И этот процесс восстановления в полной мере начинает проявлять себя в постнеклассической науке, где единство вселенной предстает как сложностное единство, наделенное генеративностью и историей; историей, включающей в себя и человеческую историю. И здесь постнеклассическая наука сталкивается с фундаментальной задачей «понять антропосоциологическую сферу не только в ее нередуцируемой специфичности, но и в ее физическом и космическом измерении»<sup>3</sup>. И тогда важнейшее значение приобретает проблема идентификации топоса встреч, конвергенций различных дискурсов, — проблема, которая сама по себе тоже является коммуникативной. Она, собственно, и выступает в качестве проблемы конструктивного распознавания образов *резонансных* областей. Но если так, то наши усилия должны быть направлены «не на целостность знаний в каждой отдельной сфере, а на решающее знание, стратегические пункты, узлы

1 Морен Э. Указ. соч. С. 442–443.

2 Там же. С. 419.

3 Там же. С. 428.

коммуникации, организационные соединения между разъединенными сферами знания»<sup>1</sup>.

Итак, требуется наметить подходы к нахождению или, точнее, построению «решающего знания», что также является проблемой познания человеческих ценностей в трансдисциплинарном диалоге современной постнеклассической науки и другими формами культуры. И собственно говоря, такие подходы сейчас отчетливо различимы в концепциях Г. Бэйтсона, Э. Морена и В. Лефевра. В этой связи чрезвычайно интересными представляются рассуждения В. Лефевра о двух типах медитации и о космологическом статусе морального принципа различения добра и зла, о принципе беспредельной честности как способе координации бесконечного числа разумных субъектов, рекурсивно связанных между собой<sup>2</sup>. Заметим, что согласно фон Ферстеру, рекурсия есть коммуникация. В постнеклассическом понимании коммуникация, в свою очередь, отсылает нас к необходимости ее осмысления в русле современных представлений о сложности, обитающей не на полюсе классического объекта и не на полюсе классического декартовского субъекта, а на мебиусовской поверхности раздела порядка и хаоса, локальности и нелокальности, подчиненности и свободы.

Уместно заметить, что такое понимание коммуникации созвучно ее пониманию Эдгаром Мореном, как оно представлено на страницах недавно изданного на русском языке первого тома его фундаментального трактата «Метод. Природа природы». Обратимся к нему еще раз. Вот что он пишет: «В ходе написания моего трактата я одновременно и опирался на кибернетическую теорию, и противостоял ей... Достоинства кибернетики заключаются не только в том, что она привнесла пучок обогащающих науку понятий, таких как обратное действие по отношению к взаимодействию, петля по отношению к процессу, регулирование по отношению к стабилизации, финальность по отношению к казуальности, — все эти идеи становятся отныне безусловно необходимыми для постижения физических, биологических, антропосоциальных феноменов. Суть дела заключается не только в том, что она завязала в пучок идеи управления и коммуникации и создала пучок посредством этих идей, но и в том, что она связала все эти термины организационным образом и тем самым произвела на свет первую общую науку <...> имеющую в качестве своего предмета организацию... Винер, посвящая себя изучению кибернетических машин, упустил возможность разработать теорию машины. Но хотя он с самого начала исказил эту теорию, он все же совершил экстраординарное

1 Там же. С. 42.

2 Лефевр В. Там же. См. также: Лефевр В. Алгебра совести. М.: Когито-Центр, 2003.

открытие коммуникативной организации, без которой отныне нельзя предпринимать попытки осмысления того, что представляет собой живое, человеческое, социальное»<sup>1</sup>.

Здесь следует добавить: и *духовное*. И здесь мы опять возвращаемся к вкладу В. Лефевра. В предисловии к книге «Космический субъект» он пишет: «Более всего меня волновал вопрос о том, возник ли человек «случайно», или специальное предназначение, предусмотренное законами природы. В первом случае он является всего лишь пассивным наблюдателем физического мира; во втором — неотъемлемой частью Вселенной, порождением и участником космологического процесса»<sup>2</sup>. И в этой связи Лефевр ссылается так же на космологические концепции Н. Ф. Фёдорова и Тейяра де Шардена.

Для нас опять-таки важно обратить внимание на трансдисциплинарную общность позиций В. Лефевра, Г. Бейтсона и Э. Морена, их ориентацию на антропную кибернетику или кибернетическую онтологию космологически осмысленной обратной связи. В контексте трансдисциплинарного подхода они сопоставимы в качестве основоположников сетевой рекурсивно-коммуникативной парадигмы представления мироздания, постигаемого во всей его сложности, — парадигмы, в которой есть место для духовного измерения человеческого бытия, которое не ограничивается только человеческой телесностью. Они отстаивают позицию наблюдателя, погруженного в мир как рекурсивно коммуникативную сеть взаимосвязанных событий.

Для Лефевра «духовная феноменология «неустраима». Исследователь не может надеяться на успех при исследовании сложных систем, пытаясь обойти ее. Но признав существование духовной феноменологии, исследователь признает существование объектов, сравнимых или даже превосходящих его по совершенству... И тогда, «противопоставление объекта и исследователя оказывается справедливым лишь для объектов «не наделенных психикой»»<sup>3</sup>.

Для Бэйтсона мир — это сеть, «состоящая из» элементарных ячеек, нелинейных кибернетических единиц, гештальтов, эволюционирующих единиц выживания «организм-в-своей-окружающей среде». «Мир состоит из очень сложной сети (т. е. даже не цепи) сущностей, имеющих подобный тип взаимоотношений с той только разницей, что многие из этих сущностей имеют свои собственные источники энергии и, возможно, да-

1 Морен Э. Там же. С. 293–294.

2 Лефевр В. Указ. соч. С. 145.

3 Там же. С. 15.

же свои собственные идеи о том, куда они хотели бы двигаться»<sup>1</sup>. В итоге мироздание предстает как становящаяся сеть процессов, характеризующихся обратными связями, благодаря которым происходят обмены веществом, энергией, информацией и, наконец, посланиями, смысл которых мы призваны стремиться разгадать. Тогда, согласно Бейтсону, носителем сознания и разумного поведения (если принять, что последнее состоит в способности к саморегуляции, к самообучению через оптимизацию самого себя) будут выступать и мозг, и человеческое тело, и даже окружающая среда. Причем в таких сложных системах с обратной связью нет изначально фиксированных центров управления (типа *Cogito*). Любое статически ориентированное центрирование здесь нечто иное как отсутствие системной мудрости, ибо разум, при таком подходе, присущ не только человеку, но, в конечном счете, и миру в целом.

Тогда уместно еще раз вернуться к Э. Морену, который писал: «Чтобы понять науку, нельзя отстраниться от проблемы *наблюдений*, которые фиксируют как тайное послание то, что получает из внешней вселенной сознание, которое замкнуто в самом себе и в своем обществе *здесь и теперь*, сознание, которое может найти в самом себе и в своей культуре не только идеологию иллюзии, но и идеи для толкования наблюдения. Тогда обнаруживается ключевая проблема, которая является нашей проблемой: это проблема парадокса, загадки, сложности гордиева узла с его двойным переплетением: переплетение объекта-космоса и познающего субъекта, где космос охватывает и порождает познающего субъекта, который появляется как крошечный и мимолетный элемент/событие в космическом становлении, но где в то же время познающий субъект охватывает и порождает космос в своем собственном видении; переплетение космофизической вселенной и антропосоциальной вселенной, где каждая по-своему порождает другую, будучи всецело зависимой от другой... *Неведомое, неопределенное, сложное находится как раз в этих связях и переплетениях*. Сумеет ли мы сделать из неопределенности фермент *сложностного* познания? Узнаем ли мы, как включить познающего в познание и понять познание в его многомерном укоренении? Сумеет ли мы разработать метод для постижения *сложностности*? Я знаю: риск неудачи в такого рода предприятия в высшей степени вероятен...»<sup>2</sup>.

Понимание особенностей постнеклассической междисциплинарной и трансдисциплинарной позиций В. Лефевром, Э. Мореном и Г. Бейтсоном в нашем случае важно еще и потому, что именно для них характерен поиск выхода за пределы классической ньютоновско-картезианской

1 Бейтсон Г. Экология разума. М.: 2000. С. 293.

2 Морен Э. Цит. соч. С. 122.

реальности в направлении рекурсивного сочетания сетевого и иерархического подходов. Мироздание, по Бейтсону, рекурсивно иерархизировано. Каждая сложная система (со своими метаболизмами) существует в контексте охватывающей ее более сложной системы, с которой она находится в особом коммуникативно-структурном сопряжении и которая качественно определяет ее поведение. Такая иерархия контекстов может быть истолкована как иерархия миров, или иерархия сетевых разумов, приписываемых уже не только человеческому существу.

Таким образом, Бейтсон пытается решить сквозную для западного мышления проблему взаимосвязи имманентного и трансцендентного, а не их жесткой дихотомии. Во всяком случае, понимание разума у Бейтсона не укладывается в рамки картезианско-кантовской интерпретации разумно-рассудочной деятельности субъекта. Тогда невнимание к таким особому рода способностям (шестому чувству), эгоистическое стремление представить собственное Я в качестве последней управляющей и познающей инстанции — еще один показатель отсутствия системной мудрости. В противовес эгоистической установке сознания Бейтсон настаивает на существовании более обширного (системного) Разума, где индивидуальное сознание — лишь подсистема. Такой системный Разум можно сравнить с Богом.

В отличие от Фрейда, «расширившего концепцию разума вглубь ради включения всей внутрителесной коммуникативной системы (автономной, связанной с привычками), а также широкого спектра бессознательных процессов», Бейтсон расширяет разум вовне. И оба эти изменения, подчеркивает он, «сужают сферу компетенции сознательного «Я». Тут становится уместным известное смирение, смягчаемое удовлетворением или радостью быть частью чего-то большого. Если хотите, частью Бога»<sup>1</sup>.

Еще раз отметим: бейтсоновский рекурсивно-сетевой экологический Бог изначально доброжелателен. Зло, якобы от него исходящее, — ответ сверхсложной системы на эго-центрированные действия человека. «Если Вы помещаете Бога вовне, ставите его лицом к лицу с его творением и если при этом у вас есть идея, что вы созданы по его образу и подобию, то вы естественно и логично станете видеть себя вне и против окружающих вещей. Если же вы самонадеянно приписываете весь разум самому себе, вы станете видеть окружающий мир как неразумный и, следовательно, не заслуживающий моральных или этических оценок. Окружающая среда станет казаться предназначенной для эксплуатации. Вашей единицей выживания станете вы сами, ваш народ или ваши сородичи, противопоставленные окружению других социальных единиц, других рас, зверей

1 Бейтсон Г. Указ. соч. С. 187.

и овощей. Если таковы ваши представления о ваших отношениях с природой, и вы *при этом имеете современную технологию*, ваша вероятность выживания будет такой же, как у снежинки в аду. Вы погибнете либо от токсичных отходов собственной ненависти, либо просто от перенаселения и сверхистощения почв»<sup>1</sup>.

А вот что писал на сходную тему примерно в то же время (в 1969 году) В. Лефевр: «Современному научному мышлению чужда идея объекта, сравнимого или, более того, превосходящего по совершенству исследователя. Сформировавшееся при изучении простейших механических явлений научное мышление склонно сначала извести объект до уровня мертвой вещи, а затем провозгласить тезис, что из мертвого могут быть выведены атрибуты живого и разумного. Приступив к исследованию объектов, которые мало отличны от исследователя, мы должны изменить исследовательскую «идеологию» и пытаться построить исследовательские средства, *специально* предназначенные для исследования таких объектов»<sup>2</sup>. Рефлексивная модель Лефевра как раз и предназначена для того, чтобы быть одним из таких средств. А потому совершенно естественно, что она также включает в себя и моральное измерение, различающее понятия добра и зла.

Вернемся теперь к основному для нашей темы узлу коммуникации. Напомним, что этот узел располагается на рекурсивном пересечении по крайней мере трех структурно сопряженных дискурсов: 1) постнеклассической философии; 2) антропной кибернетики в ее пересечении с концепцией сложности как нелинейной, рекурсивной коммуникации и 3) высокой «помнящей» культуры.

Г. Бейтсон, Э. Морен и В. Лефевр исходят из общей предпосылки, согласно которой для формирования новой системы ценностей как ориентира для выхода из глобального цивилизационного кризиса человек уже не может воспользоваться каким-то одним видом знания — как научного, так и вненаучного. Речь идет о становлении нового антропокосмического миропонимания, в контексте которого человеческое существование обретает свое подлинно глобальное, космологическое духовно-смысловое измерение. «Исследование „природы Природы“ невозможно осуществить без поиска метода, с тем, чтобы понять ключевые связи Объект/Субъект, Природа/Культура, *Physis*/Общество, которые скрыты и оборваны в простых элементах знания»<sup>3</sup>. А найти этот метод понимания ключевых связей, «скрытых и оборванных в простых элементах знания» — значит понять,

1 Бейтсон Г. Там же.

2 Лефевр В. Указ. соч. С. 414.

3 Морен Э. Там же. С.122.

что: во-первых, такие связи по своей природе являются рекурсивно-коммуникативными и, во-вторых, метод понимания этих связей может быть выработан только в (мета) контексте постнеклассических междисциплинарных исследований. Такого рода исследования предполагают сборку нового трансдисциплинарного субъекта, способного к диалогу с трансцендентальными субъектами духовной культуры. Однако в готовом виде эти субъекты отсутствуют, есть только их постнеклассический проект. Сборка этих субъектов, их становление и есть одновременно (по принципу рекурсивной цикличности) восстановление утраченных (оборванных, забытых, редуцированных, по Бейтсону) обратных связей.

Но такая работа (своего рода археология познания) сопряжена с многочисленными сложностями, связанными помимо всего прочего и с тем, что исследователи разделены не только профессиональными границами, но и экзистенциальными установками, задающими их системы ценностей. Отсюда необходимость в создании новых кросскультурных метакоммуникаций, в которых и формируются трансдисциплинарные, транскультурные и трансцендентальные субъекты. Виртуальным образом такие коммуникации и субъекты уже существуют (становятся или открываются заново) в современной постнеклассической науке, культуре и философии.

Именно акцент на трансдисциплинарности и коммуникативной природе познания позволяет взглянуть на его взаимоотношения с высокими культурами древности, системами традиционных знаний и духовных практик с позиций диалога, субъект-субъектного, а не субъект-объектного взаимодействия. От классической кибернетической схемы, в которой коммуникация подчинена управлению, мы переходим к ее постнеклассической версии, где рефлексивное управление (В. Е. Лепский) и коммуникация находятся в рекурсивно сложном, дополнительном, «осциллирующем» отношении. Таким образом, мы приходим к проекту коммуникативной онтологии сетей наблюдаемых и наблюдающих, означаемых и означающих, интерпретируемых и интерпретирующих; проекту, в котором делается акцент на циклическую герменевтику понимания, а не на попытку строить такую онтологию понимания, которая бы отсылала к предсуществующему бытию, предполагающему некие раз и навсегда заданные «универсалии», элементы мира, кирпичики мироздания.

«Я вообще думаю, — говорил В. Лефевр в беседе с А Левинтовым, — что следующий век породит новый тип исследователя. Появятся люди, которые занимаются наукой, а не какой-то отдельной ее частью, причем не методологией науки, а просто *наукой*. Современные межпрофессиональные барьеры в науке душат и научное творчество и саму науку. Люди становятся убогими. Углубленно изучаются весьма несущественные с практической и теоретической точки зрения объекты. Сейчас нет „прос-

то ученых“. Я думаю, что создание интернета породит новых профессионалов науки. Которые будут заниматься всем... Они будут формулировать цели исследований не оглядываясь на официальные рамки той или иной науки. Они сами будут генерировать область своих исследований. Мне хотелось написать книгу для них — здесь есть математика, астрономия, космология, психология, физика, мистика, музыка. Это полипрофессиональная работа. Я написал книгу для тех, кто хотел бы преодолевать возникающие в науке барьеры»<sup>1</sup>.

В парадигме рекурсивной сложности, разные грани которой представлены в работах В. Лефевра., Г. Бэйтсона, Э. Морена субъектно-ориентированные модели общества, основанном на знании, мудрости и коммуникации должны расширяться до понятия рефлексивно сложностного общества. Это такое общество, для которого сложность — фундаментальная ценность, предпосылка целенаправленной трансформации ценностного сознания от эгоизма к альтруизму как необходимого условия выживания человечества в XXI веке. Как пишет Эдгар Морен. «Трудно понять сложность, и не потому, что она является запутанной (сложность не есть запутанность), а потому, что все то, что состоит во введении новой парадигмы, очень трудно понять... Сложность... выкапывает и реанимирует невинные вопросы, которые мы были вымуштрованы забывать и презирать... Упрощение — это грубая рационализация, а не невинная идея (как далеко мы не углублялись бы в архаическую мифологию, мы никогда не находим в ней простую идею, мы всегда находим сложный миф). Добродетель Сермона в горах, невинного руссоиста, идиота Достоевского, пушкинского блаженного, плачущего в „Борисе Годунове“ — это нечто, лежащее за пределами царства абстрактной идеи, которая как негэнтропийно слабая, находится ниже ватерлинии ничтожнейшей живой реальности: эти невинные люди выражают самую богатую коммуникативную сложность, которая только может быть порождена жизнью, — сложность любви... Сложность — это прогресс познания, который приносит нам неведомое и таинственное. Тайна не открывается только избранным; она освобождает нас от всякой бредовой рационализации, которая претендует на то, что бы свести реальное к идее, и она несет нам, в поэтической форме, весть о непостижимом и невероятном»<sup>2</sup>.

Данной цитатой мы хотели бы завершить наше повествование. В нашем рассмотрении трансдисциплинарных, междисциплинарных, сложностно-ориентированных подходов (моделей) В. Лефевра, Г. Бэйтсона, Э. Морена мы не хотели бы их дифференцировать по какому-то изначаль-

1 *Лефевр В.* Указ. соч. С. 492–493.

2 *Морен Э.* Указ.соч. С. 438–439.



но выделенному признаку или основанию – онтологическому, гносеологическому или методологическому. Нам хотелось бы лишь еще раз обратить внимание на их принципиальную «срединность», рекурсивность, близость к идеям коммуникативного конструктивизма, кибернетики второго порядка, а также к такому существенно трансдисциплинарному направлению как биосемиотика, в том ее виде как она представлена в книге Еспера Хоффмайера «Знаки смысла во Вселенной»<sup>1</sup>. Ведь мы живем в семиосфере, а как заметил в свое время Чарльз Пирс, «человеческое бытие есть самый совершенный знак».

---

1 Hoffmeyer J. Sign of Meaning in the Universe. Indiana University Press. Dloomington, 1993.